

Пермский государственный университет
Березниковский филиал
Пермский государственный технический университет
Березниковский филиал
Пермский областной научно-производственный центр по охране
и использованию памятников истории и культуры
Администрация г. Березники
Пермской области
Администрация Усольского района Пермской области

ПЕРМСКОЕ ПРИКАМЬЕ В ИСТОРИИ УРАЛА И РОССИИ

(материалы Всероссийской научной конференции)

Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Березники, 2000. – 308 с.

В сборнике научных трудов представлены новые подходы, взгляды, открытия в области исторических наук Пермского региона и сопредельных территорий.

Значительное количество материалов рассматривают роль личности и социальных общностей в истории Пермского Прикамья и России.

Здесь же часть исследований посвящена проблеме изучения, сохранения, исследования историко-культурно-природного наследия.

Для специалистов и всех интересующихся проблемными вопросами истории и культуры Пермского Прикамья.

Редакционная коллегия:

Г. А. Бординских; Г. И. Веревкин, Е. А. Вшивкова; А. Ш. Зайнуллина – к. т. н.; Ю. Р. Захаров – к. философ. н.; Г. Д. Канторович; С. Г. Козлов – к. т. н.; В. В. Маланин – к. физ-мат. н.; А. Я. Мамакова; А. Ф. Мельничук; А. Н. Мошкин; С. В. Нестерова; Б. А. Оверин – к. т. н.; М. А. Федотова; Г. Н. Чагин – д.и.н.; Г. П. Шехматов; А. В. Шилов – к. и. н.; В. В. Шилов – отв. редактор.

© Пермский государственный
университет

© Коллектив авторов

© В. В. Шилов, составление

³Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч.1-2. - Пермь, 1804. Свидетельством ценности этой книги, вызвавшей интерес не только на Урале, но и за его пределами, явилось ее переиздание в трех частях в С.-Петербурге. См.: Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1-3. - СПб., 1811-1813.

⁴РГАДА, ф. 1278. Оп.2. ч. 3, д. 4458, л. 65-66; ГАПО, ф. 672, оп. 1, д. 269, л. 1-4 и др.

⁵Рабинович Я.Б. Круг Н.Г.Чернышевского и разночинцы Урала в период первой революционной ситуации в России: Учеб. пособие. - Пермь, 1983. - С. 28, 30.

⁶Иконников В.С. Опыт русской историографии - Киев, 1891. Т.1. - .276.

⁷Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее - Пермь, 1994. - С. 118, 119.

⁸ГАПО, ф. 297, оп. 4, д. 177, л.7 об.

Л. Д. Макаров

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Задачей историков является, как известно, исследование прошлого и создание объективной его реконструкции. К сожалению, в силу многих обстоятельств ученая братия нашей страны довольно долго была подвержена испытаниям конъюнктурой. Особенно ярко это высветилось в советский период, когда малейший отход от официальной партийной линии или господствующей точки зрения грозил немалыми неприятностями. Но вот наступили новые времена, когда историки получили возможность реконструировать наше прошлое в соответствии с реально протекавшими процессами, отказавшись от официальных схем. Внезапно появившаяся свобода открыла простор для творчества ученых и вызвала поток великолепных исследований. Однако другой стороной этой свободы стало появление в печати псевдонаучных и различного рода шарлатанских сочинений и фальсификаций, одной из причин которого было и остается практически полное отсутствие научной цензуры. В ряду наиболее ярких подделок от науки стоят писания А.Т. Фоменко и его команды, в которых поставлены под сомнения труды всех поколений историков, всегда выполнявших якобы исключительно социальный заказ¹.

К счастью, в археологии возможностей спекулировать все же меньше, хотя и здесь порой сказывается влияние политики (вспомним, например, празднование 1500-летия Киева или предстоящее 1000-летие Казани). Необходимо помнить великую миссию историков по просвещению населения и воспитанию у него чувства патриотизма на лучших примерах прошлого. Но при этом нельзя забывать, что для достижения этих благородных целей надо оставаться

объективным, весьма корректным и, в известной степени, осторожным, дабы ненароком не исказить истины. Столь пространное вступление меня побудили сделать публикации моего коллеги по средневековой археологии и хорошего знакомого – пермского исследователя А.М. Белавина. Несмотря на наши приятельские отношения, я не могу закрыть глаза на ряд его заключений, которые, на мой взгляд, являются по меньшей мере спорными.

Начнем с публикаций об этнокультурной характеристике средневековых культур Прикамья. В нескольких статьях А.М. Белавин (иногда в соавторстве) пытается пересмотреть этническую принадлежность верхнекамских древностей эпохи раннего и развитого средневековья в пользу их угорской, а не финно-пермской природы, возродив, таким образом, гипотезу вековой давности. В качестве аргументов автор приводит особенности звериного стиля и единичные находки фрагментов зауральской керамики и украшений², некоторые элементы погребального обряда (распространение костей лошади, лицевых покрытий, погребальных конструкций в виде помостов и наземных сооружений типа “домика мертвых”, бигитуализма)³. Вслед за А. Х. Халиковым⁴, своим идейным наставником, А.М. Белавин считает, что “исходным районом этой колонизации Приуралья будущими пермскими финнами можно считать пока слабо изученный район Сухоно-Вятского междуречья”⁵ (по А.Х. Халикову – междуречье Вятки и Вытегры). Эта гипотеза сразу вызвала неприятие исследователей Приуралья (см. работы Р.Д. Голдиной, М.Г. Ивановой, В.А. Оборина, Э.А. Савельевой и др.), поскольку имела очень слабую аргументацию, основанную преимущественно на логических умозаключениях и весьма малочисленных археологических фактах.

В стремлении доказать свою правоту А.М. Белавин пересматривает и хронологию верхнекамских культур, считая порубежными XI–XII вв., когда ломоватовская культура (угры) уступает место родановской (коми–пермяки), полумская (угры) – чепецкой (удмурты) и, несколько ранее, ванвиздинская (угры) – вымской (коми–зыряне). При этом исследователь указывает наиболее ощутимые перемены, связанные на Верхней Каме с “появлением керамики иных форм, исчезновением многих типов украшений, сменой костюма и его убора, исчезновением погребальных лицевых покрытий и других элементов погребальной обрядности, исчезновением культового литья. При этом переходе перестают функционировать многие поселения и могильники, возникает ряд новых памятников. Меняется хозяйственный культурный тип, и ведущую роль начинает играть пахотное земледелие, не имевшее типологических (?–Л.М.) корней в хозяйстве ломоватовцев. Все это и ряд других факторов (в том числе письменные источники) указывают на смену этноса в Верхнем Прикамье”⁶. Рискую показаться консерватором, однако укажу, что почти все указанные выше изменения обычно связывались с глобальными переменами в общественной и экономической жизни населения Приуралья, а отнюдь не этнокультурными миграциями. Не

считая себя специалистом по исследованию финно-угорских проблем Приуралья, хочу все же указать на слабую доказательную базу выводов А.М. Белавина, не поколебавших традиционной точки зрения.

Второй крупной темой, разрабатываемой А.М. Белавиным и его коллегами, является болгарский компонент в культуре Верхнего Прикамья, что нашло отражение в кандидатской диссертации⁷. Безусловной заслугой автора был сбор археологических источников, связанных с Волжской Болгарией. Однако некоторые категории предметов были отнесены к болгарским изделиям преждевременно (отдельные типы браслетов, перстней, подвесок, бус, предметов вооружения, бытовых вещей, инструментария), ибо имеют либо этнически не определимое, либо русское или финское происхождение. Часть керамики салтовского производства прямого отношения к Волжской Болгарии также не имеет, хотя и документировует юго-западное направление связей Верхнего Прикамья. Впрочем, об этом А. М. Белавин писал еще до защиты в одной из своих статей⁸. Степень болгарского влияния на памятниках Верхнего Прикамья действительно настолько ощутима, что дала основание исследователю прийти к выводу о существовании не только массового импорта, но и о проживании выходцев из Волжской Болгарии на некоторых крупных поселениях, ставших факториями пришельцев и превративших эти центры в протогорода Авакуль, Чулыман, Ибыр, "а Верхнее Прикамье вошло в состав Болгарии, и его население платило харадж и джизью"⁹. Какие же факты использовал автор в качестве аргументов? В первую очередь – болгарскую круговую керамику, составляющую заметную долю керамических коллекций (от 2 до 65%), причем на южных памятниках преобладает столовая и кухонная посуда, на северных, где болгарских находок в целом гораздо меньше, – тарная¹⁰. Особый интерес представляет Рождественский комплекс, смело сопоставленный А.М.Белавиным с "касабой Афкуль" арабских источников XIII–XV вв. Здесь, на городище, по утверждению авторов, выявлены три гончарных горна для обжига болгарской посуды и другие ремесленные мастерские, а также, со ссылкой на данные Н.П. Рычкова, следы мечети, за валом–посадские кварталы и, наконец, за логом – мусульманский могильник¹¹. Таким образом, перед нами – классический болгарский город под названием Афкул – центр страны Вису (Чулыманская), входящий, естественно, "в состав собственно болгарских территорий"¹². Удивительно, но даже А. Х. Халиков (известный своими радикальными взглядами относительно истории этого государства и, в общем–то, воспевавший его) до такого вывода не додумался, отметив лишь, что "севернее устья реки Белой по Каме (Чулману) располагались земли не собственно болгарской территории, а находившиеся под протекторатом Булгарии", но признав, что Пермское Прикамье было "достаточно плотно заселено выходцами из Булгарии еще в домонгольское время"¹³. И это пример достаточно объективного отношения к источникам.

Между прочим, в одном из учебных пособий А.М.Белавин более осторожен: “Не знаем мы имени крупнейшего родановского прото-города у с. Рождественск на р. Обве” (т.е. Афкуля еще нет, а городище признается поселением местных финно-пермян). И далее по тексту: “На юге было больше укрепленных городищ и небольших военных крепостей. Здесь была постоянная опасность, исходящая от соседней Волжской Булгарии”¹⁴. Вот так! И никакого намека на принадлежность Пермского Прикамья этому государству. Я полагаю, что этот феномен вполне объясним: сдерживающим фактором для исследователя был его учитель по Пермскому университету В. А. Оборин – человек весьма щепетильный по отношению к качеству источников, – к тому же соавтор одной из первых значительных публикаций¹⁵. После безвременной кончины этого безусловно крупного и авторитетного ученого А. М. Белавин позволил себе уже вполне откровенно попытаться ревизовать некоторые устоявшиеся в уральской археологии понятия. Желание, в общем-то, неплохое, особенно если оно опирается на хорошо аргументированную научную базу. К сожалению, в данном случае мы видим несколько иную картину – далеко не все источники, привлеченные нашим автором, бесспорно подтверждают его гипотезы, поэтому его упреки в некорректности в мой адрес¹⁶, я переправляю ему.

Теперь о “мусульманских могильниках”. Сравнительно недавно материалы Рождественского некрополя были частично опубликованы, правда весьма неряшливо (не совпадают планы раскопов с их размещением на топографическом плане, отсутствует нумерация погребений на планах раскопов, не все могилы опубликованы), что не позволяет полноценно сопоставить описания и выводы. Фраза “часть вскрытых нами погребений оказались полуразрушенными в результате оползания склона” делает представленную на рисунках фиксацию костяков недостаточно надежной¹⁷. Поэтому для меня по-прежнему, как и А.Ф.Мельничуку и С.Н.Коренюку¹⁸, отнесение данного некрополя, да и близкого ему Аношкарского могильника¹⁹, к числу мусульманских остается весьма проблематичным. Кстати, по аналогичным признакам погребального обряда можно запросто называть мусульманским могильник на городище Иднакар (единственное отличие – отсутствие гвоздей от гробовищ), предположительно отнесенный М.Г.Ивановой к удмуртскому населению XVIII–XIX вв.²⁰, и даже древнерусские православные могильники²¹.

Последняя тема касается древнерусских материалов. А.М.Белавин, на мой взгляд, искусственно разрывает два потока поступления импорта в Верхнее Прикамье – русский и финский²², поскольку они практически полностью совпадают хронологически и территориально, о чем мне уже приходилось писать²³. В одной из последних статей исследователь коснулся политической истории взаимоотношений Древней Руси и Волжской Болгарии за Камско-Уральский регион²⁴. При этом он сделал потрясающее открытие: “болгары именно стремились к развитию и укреплению организованной системы торгового взаимодействия с населением

Предуралья, а основной целью Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества был дележ территорий для их ограбления (т.е. болгары – хорошие, а русские – плохие!). Далее: “О напряженной грабительской деятельности древнерусских ушкунников красноречиво свидетельствует простое перечисление походов “за данью” в Предуралье: 1157, 1174, 1177, 1187, 1193–94 гг.”. В глаза бросаются следующие грубые ошибки: во-первых, летописцы знали только новгородских ушкунников; во-вторых, ушкунничество – это явление XIV–начала XV в.; в-третьих, назойливое приписывание походам чисто грабительских целей не соответствует истине: и Русь, и Болгария соперничали в борьбе за северные и зауральские рынки и на равных торговали там; более того – картографирование импорта показало, что, например, в лесном Обь-Иртыше древнерусские находки и местные подражания им заметно превосходили болгарские²⁵. Заключение А.М.Белавина о том, что “в Пермском Предуралье выходцы из Руси стали селиться не ранее XIV в.”, требует некоторой корректировки – именно здесь найдена древнерусская посуда домонгольского облика (городища Аюшкар, Родановск и др.). Отмечу и странные хронологические ошибки: крепость Гледен была построена не в 1173, а в 1178 г.; поход новгородцев на Чепцу и Вятку состоялся не в 1174 г., а (по “Повести о стране Вятской”) через 7 лет после этого, т.е. в 1181г.

Хотелось бы пожелать А.М.Белавину впредь не допускать столь досадных оплошностей. Что касается его гипотез, то они, конечно, имеют право на существование, однако научная истина должна быть, по возможности, на первом месте, и лишь после этого можно дать волю своим личным амбициям, иначе, если их вовремя не обуздать, можно попасть в крайне неприятные ситуации.

¹Янин В. Зияющие высоты академика Фоменко//Родина, 2000. № 4. - С.12–15.

²Белавин А. М. Этнокультурные контакты средневекового населения Прикамья//Историческое познание: традиции и новации: материалы междунар. теор. конф. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. Ч.I. С.73; его же. Взаимодействие населения Приуралья и Зауралья в древности и средние века//XIV Уральское археологическое совещание: тез. докладов. - Челябинск: Изд-во “Рифей”, 1999. - С. 9–11.

³Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа//Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I межд. науч.-практич. конф. - Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд., 1997. С.135; Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Бочаров И. В. Пермское Приуралье в эпоху средневековья (Проблемы археологической периодизации и этнических процессов)//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы межд. науч. конф. - Ижевск, 2000. - С. 318–322.

⁴Халиков А.Х. Проблемы этногенеза пермских финнов: доклад на межсекционном заседании “Этногенез пермских финнов”//Доклады и материалы VI межд. конгресса финно-угроведов. - Сыктывкар, 1985; его же. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья: Часть I. Происхождение финно-язычных народов: Учебное пособие. - Казань: Изд-во - Казан. ун-та, 1991. С.81–87.

⁵Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа//Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I межд. науч.-практич. конф. - Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд.-во, 1997. - С.135; Бела́вин А. М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В. Пермское Приуралье в эпоху средневековья (Проблемы археологической периодизации и этнических процессов)//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы межд. науч. конф. - Ижевск, 2000. - С.136-137.

⁶Там же. С.135.

⁷Бела́вин А.М., Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии): автореф.дис. канд.ист. наук. - Л., 1991. - 16 с.

⁸Бела́вин А.М. О раннем опыте болгаро-пермских контактов//Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. - Казань, 1990. - С.126-129.

⁹Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа//Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I международной науч.-практич. конф. - Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд.-во, 1997. - С.135; Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В. Пермское Приуралье в эпоху средневековья (Проблемы археологической периодизации и этнических процессов)//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы межд. науч. конф. - Ижевск, 2000. - С.136.

¹⁰Бела́вин А. М., Этнокультурные контакты средневекового населения Прикамья//Историческое познание: традиции и новации: материалы межд. теор. конф. - Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. Ч.1. - С.68; Бела́вин А. М., Крыласова Н. Б. Историко-культурные связи населения Чердынского края в эпоху средневековья//Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: материалы науч. конф. - Пермь, 1999. - С.78-79.

¹¹Крыласова Н. Б., Бела́вин А. М. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль)//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы межд. науч. конф. - Ижевск, 2000. - С.325-328.

¹²Бела́вин А. М. Этнокультурные контакты С.70.

¹³Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. - Казань: Изд-во "Фэн", 1994. - С. 75-76.

¹⁴Агафонова Н. Н. Бела́вин А. М. Крыласова Н.Б. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. - Пермь: Книжный мир, 1995. - С. 61.

¹⁵Бела́вин А.М.,Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Болгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X-XIII вв.//Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986. - С. 63-75.

¹⁶Бела́вин А.М. Об употреблении этнических имен и терминов в археологической литературе Урала//XIV Уральское археологическое совещание: тез. докладов. - Челябинск, 1999. - С. 151-152.

¹⁷Крыласова Н. Б., Бочаров И. В., Бочарова Е. О. Некрополь Рождественского археологического комплекса//Охранные археологические исследования на Среднем Урале. - Екатеринбург, 1997. Вып. 1. - С. 102-106.

¹⁸Мельничук А. Ф., Коренюк С. Н. Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах XV-XVIII вв.// Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. - Сыктывкар, 1996. Т. 1. - С. 167-168.

¹⁹Ленц Г. Т. Исследования Кыласовского комплекса средневековых археологических памятников//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы международ. науч. конф. - Ижевск, 2000. - С. 331.

²⁰Иванова М. Г. Городище Иднакар IX-XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989-1992 гг.)//Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. - Ижевск, 1995. - С. 10-11. Рис. 3;7.

²¹Макаров Л. Д. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII-XVIII вв.)// Взаимодействие древних культур Урала. - Пермь, 1990. - С. 65-67.

²²Белавин А. М. Этнокультурные контакты С. 70–73.

²³Макаров Л.Д. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I–начале II тыс. н.э. (по материалам импорта)// Шведы и Русский Север: (К 210–летию со дня рождения А. Л. Витберга): материалы междунаро. симпозиума. - Киров, 1997. - С. - Рис. 6.

²⁴Белавин А.М. Этнокультурные связи Предуралья в эпоху средневековья// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы междунаро. науч. конф. - Ижевск, 2000. - С. 317–318.

²⁵Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I–начале II тысячелетия н.э.//Проблемы археологии Евразии. - М., 1991. - С. 74–89. Рис. 3; 4; 7.

А. Ф. Мельничук, А. Н. Лепихин

ТРУДЫ В. Ф. ГЕНИНГА В ИЗУЧЕНИИ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Памятники гляденовской культуры, выделенной А. В. Шмидтом в 1932 г., с образованием Камской археологической экспедиции Пермского университета сразу же стали объектом пристального внимания молодых тогда исследователей В. Ф. Генинга и В. А. Оборина, которые будучи еще студентами подготовили в 1951 г. обширную статью, посвященную этому яркому культурному образованию Среднего Прикамья. В этой статье, опубликованной в 1960 г., определены характерные черты гляденовской АК и проведен серьезный анализ ярких культовых памятников-костищ, который дал основание авторам прийти к оригинальному выводу, что они функционировали, в первую очередь, как могильники с остатками трупосожжений¹. Четкие характеристики гляденовской АК были даны В. Ф. Генингом в обобщающей статье, посвященной развитию культурных процессов в Прикамье в эпоху железного века². Заслужив В. Ф. Генинга является то, что именно им, несмотря на мнение такого авторитетного исследователя, как А. П. Смирнова, защищавшего положение об единой пьянобрской АК в Прикамье, продолжено развитие идеи А. В. Шмидта о выделении в Верхнем Прикамье гляденовской АК. Особое внимание В. Ф. обращал на гляденовские святилища. Им впервые в послереволюционные годы проведены обширные исследования Усть-Туйского костища, материалы которого были отражены в статье тезисного характера³. К сожалению, В. Ф. Генинг не успел опубликовать детальную характеристику этого интересного жертвенного места. Исследователем также впервые были проведены масштабные работы на Осинском городище, который является до сих пор опорным памятником для древностей первой половины 1 тыс. н. э. бассейна р. Тулвы в Среднем Прикамье⁴. На основе материалов городища им была выделена осинская АК⁵. Эти взгляды вызвали полемику В. Ф. Генинга с В. А.